
СОЦИАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

С. А. НЕФЕДОВ

КАТАСТРОФА 1933 ГОДА: ГИБЕЛЬ ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Рассматриваются события 1930–1933 годов в контексте произошедшего в этот период резкого перелома в менталитете российского крестьянства, в частности крестьян южных областей СССР. Для привыкших к общинной жизни крестьян центральных областей коллективизация не была таким тяжелым ударом, как для не знавших общины крестьян Юга. Тем не менее насильственный слом крестьянских обычаев означал для всей страны гибель традиционного крестьянского общества и вместе с тем гибель миллионов людей, оказавшихся не в состоянии адаптироваться к новым порядкам.

Ключевые слова: коллективизация, модернизация, крестьянский менталитет, раскулачивание, хлебозаготовки, аграрная стачка, голодомор 1933 года.

Цель оправдывает средства.

Никколо Макиавелли

В ноябре 1932 года пошли лавой мыши...

И шли мыши через воду, с севера на юг...

«Это перед какой-то пропастью, или перед голодом», – говорили старики.

Иван Гармаш, крестьянин

I

«Триста лет назад... – писал Э. Тоффлер (1999: 13), – произошел взрыв, ударная волна которого обошла всю Землю, разрушая древние общества и порождая совершенно новую цивилизацию. Таким взрывом была промышленная революция. Высвобожденная ею гигантская сила, распространявшаяся по миру... пришла в со-

Историческая психология и социология истории 1/2013 5–31

прикосновение с институтами прошлого и изменила образ жизни миллионов». Создатели теории модернизации считали, что промышленная революция влечет за собой гибель традиционного аграрного общества (Black 1966: 7). Но они предупреждали и о том, что гибель традиционного общества – это гибель миллионов людей, привыкших жить по-старому, гибель всех, кто не пожелает поклониться Молоху промышленной революции. Воспеваемый футуристами новый мир был очень жесток к людям старого мира. «Равнины Индии белеют костями ткачей», – сообщил английский губернатор в 1834 году (цит. по: Неру 1981: 208).

Коммунисты (впрочем, как и либералы) изначально выступали как партия модернизаторов, которая прославляла бога промышленной революции. К. Маркс с насмешкой описывал индийские общины, «носящие на себе клеймо каст и рабства», общины, где поклоняются «обезьяне Ханумани и корове Сабали». «Как бы прискорбно лично для нас ни было зрелище разрушения древнего мира, – говорит он в “Письмах об Индии”, – с точки зрения исторической перспективы мы имеем право провозгласить вместе с Гете:

Если мука – ключ отрады,
Кто б терзаться ею стал?
Разве жизнью мириады
Тамерлан не растоптал? (Маркс, Энгельс 1957: 352)

Советские последователи Маркса были непримиримыми врагами традиционного общества и русских общин, где поклонялись Христу. «История отношений государства и крестьянства с момента революции 1917 г., – подчеркивает Л. Виола, – это история непрекращающейся борьбы двух культур. Коммунисты представляли... атеистическую, технологическую, детерминистскую и, по их понятиям, современную культуру, а крестьянство (с точки зрения коммунистов) представляло их противоположность, отрицание всего, что считалось современным» (Виола 2010: 25). М. Горький, описывая «свинцовые мерзости дикой русской жизни», выражал надежду, что «как евреи, выведенные Моисеем из рабства Египетского, вымрут полудикие, глупые, тяжелые люди русских сел и деревень – ...и их заменит новое племя – грамотных, разумных, бодрых людей» (Горький 1922: 43).

Экономическая подоплека этого противостояния была очевидной. Современные машины и новые аграрные технологии могли применяться лишь в крупных хозяйствах, поэтому в глазах комму-

нистов крестьянское парцеллярное хозяйство эпохи нэпа было исторически обречено. Согласно теории модернизации, сельское общество должно было адаптироваться к новым технологиям и претерпеть коренные изменения – аграрную модернизацию. В теории аграрная модернизация возможна на базе как государственно-кооперативных, так и крупных фермерских хозяйств (вариант П. А. Столыпина), однако в последнем случае переход должен совершаться постепенно и требовать по крайней мере двадцати лет покоя. Кроме того, в этом варианте невозможна эксплуатация сельского хозяйства с целью извлечения ресурсов для индустриализации.

Решение о форсированной модернизации предопределялось исходящей от Запада военной опасностью. Промышленная революция дала развитым странам не только новую технику, но и новое оружие. Фундаментальные инновации в области военной техники всегда вызывают волну завоеваний. Те общества, которые избежали завоевания, перед лицом военной угрозы вынуждены спешно перенимать технику завоевателей и строить заводы, производящие эту технику (Нефедов 2008: 29–35). Военная опасность вынуждала советское руководство спешить; «...либо мы сделаем это, – говорил Сталин (1949: 39), – либо нас сомнут». Первый пятилетний план был отчаянной попыткой упредить нападение противника и в преддверии войны создать мощную оборонную промышленность. Как писал Дж. Неру (1981: 283), пятилетний план «представлял собой грандиозную программу, осуществление которой было огромным и трудным делом даже на протяжении жизни целого поколения для богатой и передовой страны. Попытка осуществить ее в отсталой и бедной России казалась пределом безумия».

Как бы то ни было, началось то, что политики и экономисты называли «безумием». Роковая ошибка лежала в самой основе пятилетнего плана. В первоначальном варианте план не предусматривал массовой коллективизации: советские руководители надеялись, что крестьяне согласятся продавать государству хлеб по заниженным закупочным ценам. Эти надежды не сбылись, заготовительная кампания 1928/29 хозяйственного года показала, что производители товарного зерна, зажиточные крестьяне, отказываются продавать хлеб. Было закуплено, а также конфисковано у кулаков-«укрывателей» 108 млн. ц зерна, меньше, чем в предыдущем году. Промышленные центры испытывали нехватку хлеба, в крупных городах были введены карточки; на почве нехватки хлеба происхо-

дили волнения рабочих (Климин 2010: 134; Горинов 1990: 42). Хлеб был нужен срочно, иначе планы индустриализации срывались. Для того чтобы обеспечить снабжение растущих промышленных центров, требовалось создать систему принудительного изъятия хлеба у крестьянства. В сравнительно небольших размерах такая система уже существовала – это были колхозы. В то время как крестьян нужно было уговаривать продать хлеб, колхозы весной 1928 года попросту обязали сдавать все излишки зерна государству (Климин 2010: 232). Этот пример показывал, что с крестьян можно взять намного больше хлеба, если объединить их в колхозы.

Итак, нужно было в течение нескольких лет объединить крестьян в колхозы, снабдить их тракторами и, увеличив производство хлеба, обеспечить его поставку в индустриальные города и на экспорт. При этом нужно было отнять у крестьян земельные наделы, луга и сенокосы, их лошадей, плуги и бороны – все, что являлось их собственностью или владением, все, что составляло их традиционный мир. Самое главное – *нужно было отнять у крестьян их хлеб*, приучить к мысли, что хлеб, так же как и земля, в первую очередь принадлежит государству, и они должны сначала отдать кесарю кесарево и жить из того, что кесарь оставит.

Это был страшный удар по традиционному менталитету крестьян; такие преобразования невозможно осуществить без гражданской войны – и коммунисты уже имели такой опыт. Гражданская война 1918–1920 годов была, по существу, крестьянской, но крестьяне воевали на разных фронтах и в разных армиях. Россия была многоликой страной, и крестьянство в различных частях империи имело разный менталитет. Суровый климат Центральной России издавна приучил крестьян к взаимопомощи и общинной жизни – и в эпоху крепостного права эти традиции всемерно поддерживались помещиками. Центральная Россия была областью наибольшего развития помещичьего землевладения; крестьяне не могли прокормить себя на своих наделах, поэтому они хотели отнять землю у помещиков – мечтали о «черном переделе». Те, кому не хватало земли, уходили в города – города росли, в них развивалась промышленность, но фабрики не могли прокормить всех безземельных и безработных.

Промышленные города Центра получали хлеб с юга: из помещичьих имений Центрального Черноземья, со степной Украины и с Кубани. Плодородные области степного Причерноморья были особой частью Российской империи. Эти прежде почти необитае-

мые земли были отвоеваны у татар в конце XVIII века; они заселялись русскими и украинскими переселенцами, которые получали большие наделы и жили по тем временам очень зажиточно, – перед революцией на Херсонщине душевое потребление хлеба и мяса было вдвое больше, чем в Центральной России (Нефедов 2009: 63).

Традиции и привычки южного крестьянства отличались от традиций крестьянской России. Крестьяне Украины и Северного Кавказа свободно распоряжались своими землями, они не производили регулярных переделов и были свободны в своей хозяйственной деятельности. «В литературе утвердилось мнение, что малороссы – индивидуалисты по преимуществу... – констатирует Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Им не свойственны те формы общинного владения землею, в которых проявляется пристрастие к мирскому хоровому началу» (Энциклопедический... 1992: 212).

В экономическом отношении Юг России был «государством в государстве». В то время как в Центральной России голод был обычным явлением, хлеб степного Причерноморья в огромных количествах шел на экспорт. В 1913 году вывоз хлеба составил 126 млн. ц – по ценности это была половина всего российского экспорта (Россия... 1995: 211–212). На эти деньги в Россию (и на Юг) завозились потребительские товары из Европы, но лишь малая часть из них использовалась на нужды промышленного развития (Нефедов 2011: 330). Когда началась Первая мировая война, экспорт хлеба прекратился, и торговые связи нарушились. Русская промышленность не давала достаточного количества потребительских товаров, а бумажные деньги быстро обесценивались – поэтому производители зерна не желали обменивать его на пустые бумажки. В промышленных городах России стала ощущаться нехватка хлеба, потом начались голодные бунты, и большой бунт в Петрограде спровоцировал военное восстание – февральскую революцию 1917 года (Он же 2005). Взбунтовавшиеся солдаты были в основном мобилизованными крестьянами из Центральной России, которые мечтали о «черном переделе». Большевики пообещали солдатам осуществить их мечту – и в октябре 1917 года петербургский гарнизон перешел на сторону Советов.

Коммунисты захватили власть, но нужно было накормить голодающие города, поэтому они ввели продразверстку (которую впервые попытались осуществить еще при царе). В ответ крестьяне восстали, прежде всего на Юге. Это была война деревни против горо-

да: повстанцы грабили взятые ими южные города и устраивали еврейские погромы (Мишина 2007: 144–145). Одновременно это была война Юга с «Московией»: по словам генерала А. И. Деникина (2006: 513), все содержание Гражданской войны сводилось к тому, что «голодный север шел походом на сытый юг, а юг отстаивал... свое благополучие». Юг не только отстаивал свое благополучие, но и пользовался случаем, чтобы ограбить «Московию». Генерал П. Н. Врангель (2003: 317–318) писал о рейде казаков Мамонтова: «Полки генерала Мамонтова вернулись обремененные огромной добычей в виде... возов мануфактуры и бакалеи, столового и церковного серебра. Выйдя на фронт наших частей, генерал Мамонтов передал по радио привет “родному Дону” и сообщил, что везет “Тихому Дону” и “родным и знакомым ...богатые подарки”. Дальше шел перечень “подарков”, включительно до церковной утвари и риз».

Юг потерпел поражение, но и Север не одержал победу: в конечном счете продразверстку пришлось отменить. В. И. Ленин объяснял неудачу продразверстки и коммун «мелкобуржуазной» психологией крестьянина: «Надо опираться на единоличного крестьянина, *он таков и в ближайшее время иным не будет*, и мечтать о переходе к социализму и коллективизации не приходится» (Ленин 1963: 181).

Продразверстка была отменена, но успела вовлечь страну в голод 1921–1922 годов. Он был предсказан управляющим ЦСУ И. П. Поповым, который в специальной работе проанализировал реакцию крестьян на отнятие у них хлеба. Исходя из анализа традиционного крестьянского менталитета, Попов доказал, что крестьяне будут сокращать посевы до уровня, обеспечивающего лишь потребительскую норму и не оставляющего ничего для продотрядов; по его расчетам, посевы могли сократиться вдвое. В случае неурожая, как дипломатически выразался управляющий ЦСУ, должно было произойти «резкое нарушение хлебного баланса» – попросту страшный голод (Попов 1921: 22–24). Неурожай не заставил себя долго ждать, и голод разразился уже в 1921–1922 годах.

Большевики хорошо знали, к чему приводят попытки отнять у крестьян хлеб – к крестьянским восстаниям и голоду. «Политика Сталина ведет к гражданской войне. Ему придется заливать кровью восстания», – предупреждал Н. И. Бухарин (цит. по: Фельштинский 1991: 43). Сталин предлагал снова развязать гражданскую войну – в момент, когда страна напрягала все силы для индустриализации.

Получалось, что модернизация и индустриализация были невозможны без войны с крестьянством.

Сталин готовился к этой войне; он решил нанести превентивный удар по наиболее активному противнику – кулачеству. В ходе внезапной военно-полицейской операции намечалось арестовать и выслать в отдаленные края примерно 250 тыс. кулацких семей (Ивницкий 1994: 69–70). Операция по раскулачиванию стала началом массовой кампании по объединению крестьян в колхозы. Ш. Фицпатрик (2008: 61) пишет, что «коммунисты и комсомольцы толпами хлынули на село, чтобы разделаться с кулаками, коллективизировать деревню, закрыть церкви и вообще втащить отсталое крестьянство за шиворот в XX век». Под таким натиском уже к 20 февраля в колхозы вступила половина крестьян СССР (Трагедия... 2000: 364).

Коммунисты и комсомольцы не только создавали колхозы – они закрывали церкви и отнимали церковные ценности, сбрасывали с колоколен колокола. Москва не отдавала таких приказов – это было проявление нетерпимости молодых модернизаторов, стремившихся «до основания разрушить» старый мир (Фицпатрик 2008: 73). Активисты обращались со священниками как с кулаками; многие из них были раскулачены и высланы. Молодежь воспринимала происходящее с энтузиазмом. В шахтерской Горловке на площади было сожжено четыре тысячи икон, а вокруг костров веселилась и плясала толпа в 15 тыс. человек (Там же: 58, 73)... Но для большей части населения разорение церквей было духовной трагедией. По данным переписи 1937 года, спустя семь лет после разрушения церквей большинство граждан СССР еще верили в Бога (Араловец 2009: 35).

Закрывание церквей, гонения на священников, расставание со своим наделом, со своей лошастью и коровой – все это являлось сильнейшим ударом по менталитету крестьян. Первым актом крестьянского сопротивления был массовый забой скота: крестьяне не желали отдавать в колхоз свою собственность. Затем начались крестьянские восстания. Как показывает статистика ОГПУ, первые восстания очень часто были выступлениями в защиту церкви (Трагедия... 2000: 793–798). Деревенские священники призывали народ к неповиновению, и церкви становились местом сбора недовольных. «Кто верует в Бога, в колхоз не входит... – говорилось в одной из распространяемых среди женщин листовок. – И если в колхоз

вы, о сестры, войдете, Антихриста имя невольно примете» (цит. по: Евдокимов 1930: 34–35).

Волнения нарастали как снежный ком, в марте их число превысило шесть тысяч, а число участников достигло полутора миллионов. Эпицентрами волнений были Юг и – отчасти – Центральное Черноземье (Виола 2010: 171–173). Руководитель Центрально-Черноземной области И. Варейкис докладывал в ЦК, что только с декабря 1929 года до середины февраля 1930 года в области произошло около сорока крупных крестьянских выступлений, в которых приняли участие более 25 тыс. человек. «В отдельных местах, – сообщал Варейкис, – толпы выступавших достигали двух и более тысяч человек... Масса вооружалась вилами, топорами, кольями, в отдельных случаях обрезами и охотничьими ружьями» (Трагедия... 2000: 230).

Это был бунт традиционалистов против модернизации: восставшие требовали вернуться к старым порядкам. Масштаб выступлений был огромным. ЦК ВКП(б) впоследствии признавал, что «если бы не были тогда незамедлительно приняты меры... добрая половина наших “низовых” работников была бы перебита крестьянами» (Там же: 368). Большевики были вынуждены признать свою ошибку и отступить. 2 марта 1930 года была опубликована известная статья «Головокружение от успехов», в которой Сталин обвинил местных руководителей в «перегибах». Насилие над крестьянами прекратилось, многие раскулаченные были реабилитированы и получили назад свое имущество. Начался массовый выход из колхозов; к 20 июля в колхозах осталась только пятая часть всех крестьян (Там же: 570). Модернизацию поддерживала сравнительно небольшая часть сельского населения, сторонников традиционного ведения хозяйства было гораздо больше.

Первый натиск коллективизации не смог нарушить проведение посевной кампании 1930 года, погода была благоприятной, и вопреки многим предсказаниям в том году был собран прекрасный урожай; по официальным данным, валовой сбор составлял 835 млн. ц (Социалистическое... 1934: 203; Davies *et al.* 1994: 286). Урожай 1930 года был больше, чем рекордный урожай 1913 года; на какое-то время он решил все проблемы. В 1930/31 хозяйственном году было заготовлено 221 млн. ц зерна – вдвое больше, чем в 1928/29 году. Это позволило обеспечить снабжение промышленных городов и даже направить часть зерна на экспорт. В 1930/31 хозяйственном году было экспортировано 58 млн. ц

(Социалистическое... 1934: 130, 133), притом что первоначально экспорт не планировался до 1932 года; таким образом, появились новые ресурсы для финансирования индустриальных строек. На волне эйфории XVI съезд ВКП(б) заявил, что партия на основе колхозов «успешно разрешила в основном зерновую проблему» (Сталин 1949а: 308). Опираясь на эту иллюзию и уверовав в возможность экспорта зерна, Сталин призвал выполнить пятилетку в четыре года. Это была еще одна ошибка модернизаторов.

Осенью 1930 года власти предприняли вторую попытку массовой коллективизации, и она оказалась более успешной. На этот раз крестьянам обещали, что в их пользовании останутся приусадебный участок, коровы и мелкий скот. Обещания сопровождались усилением нажима на зажиточные хозяйства: их облагали индивидуальным налогом и давали повышенные задания по хлебопоставкам (Ивницкий 1994: 157). Но наиболее важным обстоятельством было то, что на колхозных полях появились трактора. Готовясь к новой попытке коллективизации, Сталин потратил большую часть полученных от экспорта хлеба денег на покупку тракторов. Весной 1930 года МТС страны засеяли 2 млн. га колхозных полей, а весной 1931 года – 20,2 млн. га (Шарова 1963: 196).

В некоторых районах – в частности, на Украине – появление первых тракторов порой встречали не с радостью, а со злобой. Сторонники традиций чувствовали, что трактор – это не к добру. Аббревиатуру МТС расшифровывали так: «Мир топит сатана». Ходили слухи, что трактор «отравляет землю своими газами и скоро земля перестанет родить» (Фицпатрик 2008: 60). Но на большинство крестьян появление тракторов произвело впечатление, ожидаемое большевиками. «Когда крестьяне увидели трактора, они пошли в колхоз», – говорил позднее Л. Каганович (цит. по: Чуев 1992: 101). Многие крестьяне осознали, что так или иначе придется приспособиваться к новой действительности, которую олицетворял трактор. Вот почему на этот раз массовых выступлений против коллективизации не было. К декабрю 1931 года были объединены в колхозы почти две трети крестьянских хозяйств (Виола 2010: 169; Мошков 1966: 98).

Как сообщало ОГПУ, весной 1931 года в деревне преобладали «здоровые производственные настроения» (Трагедия... 2000: 68). Но в отличие от предыдущего года погодные условия были неблагоприятными: восточные районы страны поразила засуха, и урожай был намного меньше, чем рекордный урожай 1930 года. Хлеба уже

не хватало на всех, и становилось очевидным, что нужды индустриализации приведут к сокращению потребления в деревне. Приходилось брать хлеб там, где он был, – прежде всего на Юге, где крестьяне жили намного лучше, чем в других областях. Таким образом, голодный Север снова шел походом на сытый Юг, чтобы отнять у крестьян хлеб и накормить свои промышленные города.

Ситуация осложнялась тем, что правительство не имело достаточно точных сведений о размерах урожайности. В 1931 году исчисление валового сбора производилось Народным комиссариатом земледелия (Наркомземом), который, по данным, собранным на 1 августа, оценивал валовой урожай в 780 млн. ц. Однако эти данные оказались завышенными; девять месяцев спустя, в мае 1932 года, Госплан предоставил сведения о действительном сборе, который оказался равным 684 млн. ц – на 100 млн. меньше, чем сообщал Наркомзем (Трагедия... 2001: 375). На октябрьском (1931 года) пленуме ЦК эти цифры были еще неизвестны, и объем хлебозаготовок был установлен исходя из завышенных данных Наркомзема; он составил 245 млн. ц – больше, чем в урожайном 1930 году (Там же: 111). Этот экстремистский план мотивировался стремлением «выполнить пятилетку в четыре года»: для оплаты заказанного за границей промышленного оборудования требовалось наращивать экспорт хлеба (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 4. Л. 2–4).

Однако хлебозаготовительные планы Сталина натолкнулись на сопротивление руководителей Поволжья, которые, ссылаясь на засуху, сумели добиться снижения поставок для своих краев. На Украине засухи не было, и первый секретарь ЦК КП(б)У С. Косиор заявил, что, хотя достоверных цифр об урожайности нет, план хлебозаготовок является «реальным». Но на местах, говорил Косиор, колхозники и местные коммунисты считают план невыполнимым. Один председатель колхоза так и заявил: «Вас хотят ограбить, не сдавайте хлеб». «В августе мы послали своих членов Политбюро по деревням, – продолжал Косиор. – Когда они вернулись, то раскрыли перед нами картину массовой утайки урожая, раскрадывания хлеба в колхозах, раскрыли такую картину, которая нас буквально, что называется, оглушила, потому что это было нечто совершенно невиданное и неожиданное» (Трагедия... 2001: 197–199).

Доклад Косиора свидетельствовал, что крестьянское сопротивление коллективизации не закончилось, что оно принимает новые формы: опасаясь, что у них отнимут весь хлеб, крестьяне начинают утаивать и расхищать собранное зерно. В различных колхозах си-

туация с урожайностью складывалась по-разному, и власти не могли определить, имеет место утайка зерна или урожайность действительно низкая и план заготовок завышен. При этом появлялось подозрение, что в колхозах, которые справились с планом, план заготовок в действительности занижен, что они могут сдать больше зерна. План в целом не выполнялся; положение со снабжением было тяжелым, и в январе 1932 года пленум ЦК постановил, что районы, выполнившие план заготовок, должны выдвигать «встречный план» и продолжать сдачу хлеба (Ивницкий 2009: 116). Это было одно из самых разрушительных управленческих решений, когда-либо принятых большевиками. В результате, как свидетельствует Косиор, «в хороших добросовестных колхозах значительная часть хлеба, предназначенного на личное потребление, была изъята по хлебозаготовкам, а те, кто работал плохо, кто утаивал, отделались выполнением 50–60 % плана» (Там же: 115). План заготовок изначально был непосильным, и к тому же часть хлеба была расхищена, но местные руководители, опасаясь за свою судьбу, заставляли крестьян сдавать все, что было – иногда даже семенное зерно (Там же: 112–115).

Весной 1932 года на Украине начался голод – однако Косиор писал Сталину, что голодают только «отдельные села», что это лишь результат «перегибов» (Голод... 2011: 228). Реакция Сталина была резкой, он отвечал: «Похоже на то, что в некоторых местах УССР советская власть перестала существовать» (Там же: 229). Некоторые районные руководители были отданы под суд; обсуждался вопрос об отстранении Косиора; украинских лидеров обвиняли в том, что они не знают положения на местах. Украине была оказана срочная продовольственная помощь, и, поскольку своих запасов не было, то пришлось закупать зерно за границей (Там же: 243, 249, 266–267; Мошков 1966: 194).

Жестокие хлебозаготовки 1931 года разрушили то примирительное отношение крестьян к колхозам, которое создалось после обильного урожая 1930 года. К осени 1932 года колхозы покинули больше миллиона хозяйств; начался массовый исход из деревни в город (Мошков 1966: 193). За 1931–1932 годы из деревни в город ушли 4,5 млн. крестьян – страна никогда не знала подобных массовых переселений (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 131. Л. 3). Единоличники реагировали на новую продрозверстку так же, как в 1920 году: они отказывались производить сев хлебов, и спущенный им план был выполнен только на 60 % (Davies *et al.* 1994: 105). Председа-

тель СНК Украины В. Я. Чубарь писал В. М. Молотову, что трудовая дисциплина в колхозах совершенно развалилась, что усилились антисоветские настроения, что положение усугубляется чрезвычайным развитием мелких и крупных краж (Голод... 1990: 231, 233). Приобретенный крестьянами горький опыт говорил, что в создавшихся условиях не будет голодать лишь тот, кто похитит как можно больше зерна и спрячет его в ямы. «Чтобы обеспечить себя на зиму лучше, чем в предыдущем году, начнется массовое хищение хлеба», – предупреждал Чубарь (Там же: 232). Таким образом, кризис 1932 года был запрограммирован ходом событий – и многие знали о том, что должно случиться.

II

Сталин признавал, что в заготовительной кампании 1931 года были допущены ошибки. План хлебозаготовок на 1932 год был уменьшен: если в 1931 году план для колхозов и единоличников Украины составлял 71,1 млн. ц (при реальном выполнении 64,7 млн. ц), то в 1932 году – 58,3 млн. ц (Davies, Wheatcroft 2004: 478). При этом урожай ожидался лучше, чем годом ранее, и после выполнения заготовок крестьянам разрешили свободную продажу хлеба на рынке. Первоначальный план экспорта хлеба был сокращен втрое (до 20 млн. ц). Это решение сразу же привело к замедлению темпов индустриализации, и правительство колебалось: через некоторое время план был увеличен, а потом вновь сокращен (Там же: 141, 142; Сталин и Каганович... 2001: 190–191). Сталин хотел добиться «крутого перелома» в отношениях с крестьянами и распорядился в три с лишним раза увеличить поставку на село промышленных товаров, оголив для этого городские прилавки. В частности, в деревню предписывалось отправить весь рыночный фонд хлопчатобумажных тканей (Сталин и Каганович... 2001: 482). Чтобы угодить крестьянам, правительство восстановило традиционную «христианскую» рабочую неделю с воскресеньем в качестве выходного дня (Davies, Wheatcroft 2004: 181).

Однако снижение плана хлебозаготовок в сравнении с реальными заготовками 1931 года было не столь значительным, чтобы добиться «крутого перелома». К тому же Сталин приказал добавить к планам районов 4–5 % на случай, если какой-то район не справится с заготовками, и, кроме того, нужно было возвращать ссуды по оказанной весной продовольственной помощи. В итоге в некоторых районах план был даже выше, чем в прошлом году, когда все

амбары были выметены «вчистую» (Davies, Wheatcroft 2004: 140). Оглашение новых планов вызвало среди местных руководителей самую настоящую панику. «Доведение планов... вызвало у ряда работников *упадочные и панические настроения* (курсив мой. – С. Н.)», – свидетельствует докладная записка украинского ГПУ (Советская... 2005: 185). Записка приводит характерные высказывания местных начальников. Одни говорили: «Если принять план, то это будет означать, что мы обрекаем на гибель население», но другие готовились к сопротивлению: «В этом году сперва себя обеспечим хлебом, потом государство. Их дело – давать планы, а наше дело – не давать хлеба». 446 сельсоветов на Украине отказались принимать эти планы: многие руководители клали на стол партбилеты, а некоторые даже спасались бегством (Там же: 187, 188, 203).

Такая же ситуация сложилась на Северном Кавказе, где положение осложнялось засухой: в отличие от других регионов урожаем здесь был хуже, чем в прошлом году. Местные руководители говорили: «План будем выполнять – оставим колхозников без хлеба, а сами после разбежимся, чтобы не побили нам головы», «Нужно прежде распределить хлеб колхозникам... а остальное отдать государству, иначе у нас будет то, что на Украине» (Там же: 195–197). На Северном Кавказе проживало много украинцев; весной 1932 года сюда бежали тысячи голодающих крестьян с Украины, и здесь были наслышаны об украинском голоде.

Паника быстро распространилась на все сельское население. Доклад ОГПУ свидетельствует: «Среди колхозников укрепилось твердое мнение: “Нас обманывают, пьют нашу кровь. Хлеба не дадим. В первую очередь снабдим себя, а потом пусть забирают все вплоть до семян”» (Там же: 200). Снабдить себя можно было лишь одним способом: забрать колхозный хлеб и спрятать его в ямы. Началось паническое, массовое хищение хлеба с полей, из скирд, с молотилок. ОГПУ сообщало о том, что на еще не убранных полях стригут колосья, что при уборке оставляют часть урожая, чтобы потом его собрать, что при обмолоте оставляют в соломе зерно, чтобы потом его украсть, что украденное зерно прячут в ямах-схронах, что выявлены сотни нелегальных мельниц. Помня о недавнем голоде, колхозное начальство покрывало мелкие хищения; со своей стороны, оно пыталось обеспечить колхозников хлебом, выписывая авансы в объеме больше положенного, списывало хлеб на питание колхозников в поле, а в некоторых случаях даже устраивало тайные «черные амбары». Хлеб на колхозных полях воро-

вали и единоличники, многие из которых не засеяли свои наделы и которым было нечем жить (Советская... 2005: 170–175, 203–261). Эпидемия воровства достигла таких размеров, что колхозники боялись выходить в поле, чтобы не оставить избы без присмотра (Фицпатрик 2008: 88). По словам секретаря Днепропетровского обкома Хатаевича, воровало 85–90 % крестьянского населения (Голод... 1990: 308). «Сталинское руководство оправданно считало, что в 1932 году воровство “социалистической собственности” приобрело масштабы подлинной эпидемии, – отмечает В. В. Кондрашин (2008: 136). – И у историков нет сомнений на этот счет».

Хищения происходили тайно, ночами, поэтому вышестоящее начальство не знало об их масштабах. Но первые сообщения о ходе хлебозаготовок показали, что в июле на Украине сдано в семь раз меньше хлеба, чем год назад. Сталин считал, что трудности с уборкой являются результатом голода и нужно помочь пострадавшим колхозам, «скостив» для них 50 % плана. В итоге в середине августа план для Украины был уменьшен до 51,7 млн. ц (Сталин и Каганович... 2001: 245; Davies, Wheatcroft 2004: 478). Сталин распорядился как можно быстрее сообщить об этом колхозникам, но было уже поздно.

Хатаевич позднее писал, что, «если бы пониженный план был доведен до крестьян заранее (т. е. в июле), то он был бы выполнен» (цит. по: Кондрашин 2008: 242). Более того, украинское руководство поначалу не сомневалось в выполнении пониженного плана. «Почти вплоть до ноября месяца, – писал Косиор, – люди у нас были настроены благодушно, казалось, что все так “прекрасно”... Наследство ошибок прошлого года тяготело над нами, боязнь перегибов... превращалась в полную бездеятельность... Конечно, у нас были свои трудности: тяжелое положение с тяглом, трудности с осенним севом... Когда началась уборка, мы дали лозунг о скирдовании хлеба. Но так как скирдование вступало в некоторое противоречие с хлебозаготовками, то мы... скирдование стали проводить даже за счет ослабления хлебозаготовок... Приезжали уполномоченные, видят: скирды стоят, как будто все в порядке; а так как с тяглом было тяжело, то на хлебозаготовки не нажимали, посмотрят, походят вокруг скирд и уезжают. И только в сентябре-ноябре, когда начали обмолот этих скирд, оказалось, что добрая половина хлеба растащена, разворована» (Голод... 1990: 308).

Косиор, конечно, упрощает ситуацию. ОГПУ многократно докладывало, что на селе происходит что-то неладное. Западные исто-

рики называют происходившее «аграрной стачкой» (Penner 1998a). Это было стихийное движение, охватившее главным образом Юг, но проявлявшееся и в других зернопроизводящих районах – Поволжье, Центральном Черноземье. Помимо массового хищения зерна стачка принимала различные формы, в том числе формы настоящих забастовок, когда крестьяне требовали прекратить заготовки или выдать причитающийся им хлеб. В некоторых выступлениях участвовало до тысячи человек. Были сожжены сотни амбаров с государственным зерном, имели место многочисленные нападения на заготовителей, случаи, когда выводили из строя трактора; толпы крестьян препятствовали вывозу хлеба. Но чаще всего забастовка имела характер «волынки» (или «итальянской стачки»), когда колхозники затягивали уборку, дожидаясь, пока хлеб подопрет и станет негодным для сдачи государству (Советская... 2005: 170–175, 203–261, 291–292, 330, 365).

Крестьяне действовали под впечатлением голода весны 1932 года и пытались спасти себя от голода весной 1933-го. Но их действия срывали хлебозаготовки и неизбежно должны были привести к голоду в городах. Сталин писал, что крестьяне «проводили “итальянку”... и не прочь были оставить рабочих, Красную Армию – без хлеба... по сути дела вели “тихую” войну с советской властью. Войну на измор...» (Трагедия... 2001: 720) Это была «тихая гражданская война», но оружие, которое применялось в этой войне – голод, – могло уничтожить миллионы людей. Сталин нанес ответный удар. «Колхозное крестьянство есть союзник рабочего класса... – заявил Сталин на заседании Политбюро 27 ноября 1932 года. – Но это еще не значит, что среди колхозников и колхозов не может быть отдельных отрядов... поддерживающих саботаж хлебозаготовок. Было бы глупо, если бы коммунисты... не ответили на удар этих отдельных колхозников и колхозов сокрушительным ударом» (Там же: 559).

Началась «война за хлеб». Постановление украинского ЦК гласило: «Во всех районах немедленно организовать изъятие от отдельных колхозников и единоличников хлеба, разворованного у колхозов и совхозов... особенно имея при этом в виду различного рода рвачей и лодырей, не имеющих трудодней, но имеющих запасы хлеба. При проведении этого мероприятия необходимо опереться на колхозников-передовиков... не допуская применения массовых обысков у колхозников и единоличников» (Там же: 543). Несмотря на голод весны 1932 года, в деревне еще имелись энтузиа-

сты коллективизации. «Многие... сельские активисты, коммунисты и комсомольцы... искренне верили в необходимость насилия над крестьянами, – пишет Кондрашин (2008: 161). – Они полагали, что только таким образом можно построить новую счастливую жизнь – социализм... Работая не покладая рук на полях... они видели, как основная масса односельчан недобросовестно относится к труду, как многие из них воруют зерно...» Активисты указывали, где можно найти спрятанное зерно, и работники ОГПУ забирали все, что находили, не оставляя ничего крестьянам. За декабрь и январь на Украине было вскрыто 17 тыс. тайных ям и «черных амбаров», из которых было извлечено 1719 тыс. пудов хлеба (Кульчицкий 2011: 180). В среднем на вскрытую яму приходилось около 2 т зерна, а на Кубани – 3 т, причем встречались ямы с 40 т зерна – очевидно, это были запасы, предназначенные для торговли. Как это ни удивительно, до конца 1932 года на рынках продавали похищенный хлеб, например в Новороссийске за 10 дней сентября было продано 10 тыс. пудов хлеба (Советская... 2005: 204, 243).

Однако то, что было обнаружено в ямах, – это капля в море. Для получения хлеба использовались другие, более эффективные методы: из колхозных амбаров изымалось все, вплоть до семенного зерна, и если план все же не выполнялся, то арестовывали руководство колхоза, а села подвергали блокаде, лишая всех поставок извне. Заготовители особенно свирепствовали среди единоличников, заставляя их выполнять «твердый план» независимо от размеров посева. Если не было зерна, то отнимали все продовольствие, которое находили в доме (Кульчицкий 2011: 172, 183). Единоличников обвиняли в хищениях колхозной собственности. На 1 марта 1933 года за хищения в колхозах было осуждено 65 тыс. человек, но колхозников среди них было только 29 тыс. (подсчитано по: Трагедия... 2001: 727–729).

Сталин настоял на том, чтобы минимальный срок заключения за хищения социалистической собственности составлял 10 лет. Он считал, что хищения – это проявление психологических традиций старого общества. «Капитализм не мог бы разбить феодализм... если бы не сделал частную собственность *священной собственностью*... – писал Сталин. – Социализм не может добить и похоронить... индивидуально-рваческие привычки, навыки, традиции (служащие основой воровства)... если он не объявит общественную собственность... священной и неприкосновенной» (Там же: 240).

Как бы то ни было, в 1932/33 хозяйственном году на Украине удалось заготовить лишь 36 млн. ц зерна – это было почти вдвое меньше, чем год назад. На Северном Кавказе было заготовлено 16 млн. ц – 64 % от прошлого года; остальные регионы справились с планом заготовок, но в целом по стране было заготовлено на четверть меньше хлеба, чем в прошлом году (Davies, Wheatcroft 2004: 478). Это сразу же отразилось на снабжении городов: в первом квартале 1933 года поставки хлеба уменьшились на четверть, были сокращены выдачи продуктов не только рабочим, но даже красноармейцам (Там же: 185–186). В начале марта 1933 года ОГПУ сообщало о тяжелом положении рабочих во многих районах страны: «В связи с урезкой хлебного пайка получающие невысокую зарплату и обремененные большими семьями занимаются нищенством, посылая для этого своих детей... На отдельных предприятиях отмечены случаи, когда рабочие употребляли в пищу падаль... В некоторых случаях рабочие падают от истощения у станков...» (Советская... 2005: 315–317).

Ухудшение снабжения рабочих привело к падению производительности труда и забастовкам. Экспорт хлеба резко уменьшился, что привело к недопоставкам оборудования на строящиеся объекты. Во многих отраслях наблюдался уже не рост, а падение производства. Индустриализация остановилась (Лельчук 1984: 173).

Советские руководители не сомневались, что урожаем 1932 года был больше урожая прошлого года (Трагедия... 2001: 629). Хлебозаготовки были намного меньше, чем в прошлом году – следовательно, в деревне должно было остаться значительно большее, чем в прошлом году, количество хлеба. Когда в середине декабря секретарь Харьковского обкома Терехов предупредил Сталина о начинающемся голоде, Сталин заявил, что это «сказки» (Там же: 915). Число сообщений множилось, но власти не могли поверить фактам. В начале февраля Политбюро предписало облисполкомам тщательно проверять сообщения об «имеющихся случаях голодания» и «не оставлять ни одного такого случая без принятия немедленных мер» (Там же: 639). Никто не мог представить, что счет этих «отдельных случаев» скоро пойдет на миллионы: для советского руководства голод был столь же неожиданным, как землетрясение.

«Это – отчасти тайна, как без стихийного бедствия самые богатые области страны были поражены страшным голодом», – пишет Анн Пеннер (Penner 1998b: 27). В попытке объяснить эту тайну историки создали несколько теорий; одна из них – теория «искусст-

венного голода»: Сталин якобы специально организовал голод, чтобы преодолеть сопротивление крестьян-единоличников, сломить их частнособственническую психологию. И поскольку в отличие от русских крестьян-общинников украинские крестьяне были индивидуалистами, то «великий вождь» устроил «геноцид украинского народа». Однако Международная комиссия по расследованию голода на Украине признала, что «не имеется серьезных свидетельств о том, что голод был действительно организован властями с целью... осуществления их политики» (Международная... 1992: 53).

Другая теория, объясняющая причины голода, исходит из того, что «стихийное бедствие» все же было – точнее, имелся целый комплекс бедствий, погубивших урожай 1932 года. Среди факторов, резко снизивших урожайность, называют как чисто стихийные (засуха, проливные дожди, болезни растений, инвазии грызунов), так и обусловленные нежеланием крестьян работать в колхозах: недосев зерна, нарушение севооборота, плохая вспашка и прополка, что вызвало засоренность полей. Говорится также о нехватке рабочих лошадей: крестьяне не заботились о колхозном имуществе, у колхозов не хватало кормов, и падеж лошадей был очень значительным. Соответственно недостаток лошадей препятствовал выполнению сельскохозяйственных работ в необходимые сроки, что приводило к потерям зерна (Tauger 2001: 45–47; Davies, Wheatcroft 2004: 438–440).

Все эти проблемы действительно существовали в 1932 году, но, как отмечают многие историки, они существовали и до, и после «Великого голода» (Уиткрофт, Дэвис 1998: 109–125). Кроме того, имеются документы, которые доказывают, что урожай 1932 года действительно был не хуже, чем в предыдущем году. Один из таких документов – докладная записка сектора учета Наркомзема СССР, составленная в сентябре 1932 года (Трагедия... 2001: 495–500). Записка прежде всего констатирует, что «система учета урожая, основанная в текущем году на донесениях самих предприятий, колхозов и совхозов, *исключает преувеличенную оценку* на всех стадиях созревания хлебов» (Там же: 495). Затем приводится оценка урожайности по данным на 1 августа – т. е. на время, когда уже шел массовый обмолот урожая. Конечно, часть урожая еще стояла на корню, а часть была сложена в скирды, но при всем том приводимые данные – это не «пробный умолот»: они основаны на результатах массового умолота на больших площадях и учитывают все имевшиеся на тот момент потери.

Урожайность и потери в 1932 году (ц/га)

Территории	Данные Наркомзема на 1 августа 1932 г.	Данные отчетов колхозов (начало 1933 г.)	Потеряно и расхищено
Украина	7,4	5,1	2,3
Северный Кавказ	6,2	3,9	2,3
Нижняя Волга	4,3	3,7	0,6
Средняя Волга	5,5	5	0,5

Источники: Трагедия... 2001: 497; Таугер 1991: 83.

Наркомзем считал данные на 1 августа заниженными, поскольку колхозы стремились приуменьшить урожай, чтобы сократить хлебозаготовки. Однако даже эти – вероятно, заниженные – данные говорят о том, что урожай был удовлетворительным; к примеру, на Украине урожай 1931 года составлял 7 ц/га – т. е. был меньше урожая 1932 года (Голод... 1990).

Существуют и другие данные – данные годовых отчетов колхозов. Эти отчеты составлялись по итогам года, и они содержат информацию об амбарном сборе – о том зерне, которое реально поступило в колхозные или государственные амбары. Эти данные раскрывают неожиданную картину: амбарный урожай 1932 года составлял всего лишь 500 млн. ц, на 38 % меньше официальной оценки в 699 млн. ц (Таугер 1991: 84). На Украине, по данным Наркомзема, средняя урожайность составляла 7,4 ц/га, а по данным отчетов – только 5,1 ц/га.

Куда же пропали 2,3 ц зерна с каждого гектара? Ведь это было реально существовавшее зерно, по большей части собранное в скирды и ждавшее обмола. Здесь нам придется вспомнить доклад Косиора: «...только в сентябре-ноябре, когда начали обмолот этих скирд, оказалось, что добрая половина хлеба растащена, разворована». Разумеется, 2,3 ц с гектара – это не только зерно, растащенное из скирд; это еще и зерно, оставшееся в соломе после умышленно «вредительского» обмолота, и зерно, осыпавшееся или сгнившее из-за затягивания уборки. Невозможно определить, сколько зерна было расхищено и сколько потеряно, но в целом – это размеры ущерба, нанесенного аграрной стачкой. И вычисляя соответствующую величину для разных регионов, можно сопоставить результаты аграрной стачки в разных областях страны. На Юге было расхищено и потеряно 2,3 ц зерна с каждого гектара,

а в Поволжье – 0,5–0,6 ц с гектара. Очевидно, что эпицентром аграрной стачки был Юг с его индивидуалистически настроенным, по большей части украинским, крестьянством, в то время как русские общины Поволжья оказывали значительно меньшее сопротивление коллективизации. Таким образом, аграрная стачка была продолжением борьбы Севера и Юга, начавшейся еще в Гражданскую войну.

Однако сведения о размерах расхищенного и потерянного не объясняют масштабов голода: ведь расхищенное зерно досталось крестьянам, и как раз это зерно должно было уберечь их от голода. 2,3 ц, помноженные на 17 млн. га посевов (Tauger 1991: 84), дают 39 млн. ц зерна. Если даже допустить, что лишь половина этого зерна была укрыта в ямах, то и этого достаточно для пропитания всего сельского населения Украины в течение полугода. Хатаевич писал: «Остался главным образом тот хлеб, который был разворован и растащен во время уборки. Этого хлеба должно было бы хватить и для обсеменения полей, и для прокормления населения. Но он распределен крайне неравномерно... В то время как во многих случаях произведено отобрание начистую у колхозников всего хлеба, выданного им в порядке авансов по трудодням, в подавляющем большинстве других случаев разворованный хлеб продолжает оставаться в распоряжении тех, кто воровал» (Операция... 2007: 72). Таким образом, одни воровали, а другие – нет, и те, кто не прятал свой хлеб, были обречены на голод.

Была еще одна большая проблема. Во все времена задача земледельца – не только собрать, но и сохранить урожай. В условиях 1932 года это было очень непросто. Крестьяне оставили много зерна в соломе и в полове: они надеялись собрать его, когда уйдут заготовители. Но заготовители долго не уходили, и пришел другой враг – мыши. Специалисты свидетельствуют, что в обычное время на Ставрополье в скирдах почти не бывает мышей, но зимой 1932/33 годов в скирдах полумы находили до четырех тысяч мышей: по 70 грызунов на кубический метр. Обильный корм запустил механизм взрывного размножения полевых: число нор доходило до 10 тыс. на гектар, т. е. по норе на каждый квадратный метр! (Материалы... 1934: 6, 32.) Биологи пишут, что «сплошным массовым размножением мышевидных грызунов была охвачена почти вся степная зона Европейской части СССР – от Бессарабии до Дона и к югу... до предгорий Кавказа» (Там же: 31). На заседании СНК Украины 11 ноября 1932 года указывалось, что распространение

полевых мышей приобретает размеры *стихийного бедствия* (Фиров 2003: 19).

Едва ли не единственным официальным документом, в котором детально разбираются причины катастрофически низких сборов 1932 года, являются «Материалы Комиссии Президиума ВЦИК по ознакомлению с состоянием советского, хозяйственного и культурного строительства Северо-Кавказского края» (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 1362). В «Материалах...» подробно говорится о том, что «кулацкий саботаж» привел к затяжке сева, к отсутствию прополки и зарастанию полей сорняками, и это обусловило значительные потери урожая. «Еще большие потери имели место при уборке урожая». К концу нормального срока было убрано лишь 46 % зерновых. Документ констатирует, что «значительные потери, имевшие место при уборке урожая, способствовали разведению несметного количества мышей, которые распространились на всей территории Северного Кавказа, поедая огромное количество хлеба и других продуктов» (Там же: Л. 200).

Очевидцы в ярких красках описывали нашествие мышей на степном Юге. «В ноябре 1932 года пошли лавой мыши, – вспоминал один крестьянин, – и ели все на свете, даже людям спать не давали, обгрызали пальцы. И шли мыши через воду, с севера на юг. Народ тогда взволновался. “Это перед какой-то пропастью, или перед голодом”, – говорили старики» (Голод... 2007). Учитель С. М. Куля свидетельствует, что мыши начисто съедали все остатки хлеба на полях, проникали в жилища крестьян, под одежду. Со слов Кули, под Нальчиком огромная масса мышей однажды остановила поезд, колеса которого забуксовали в толще грызунов, переваливавшихся через рельсы (Рожков 2009: 54). Живший под Харьковом крестьянин Н. Н. Белоус писал в своем дневнике: «Все время мыши, и в поле и в доме – такая сила, что и кошка уже не хочет душить, мышеловкой по 50 штук за ночь ловим» (Аваков 2008).

Известно, что в периоды взрывного размножения мыши истребляют все, что оставляют на полях и в скирдах, – это явление крестьяне называют «мышьиной напастью». Нападениям мышей подвергается и хлеб в амбарах и ямах. Обычная в крестьянском хозяйстве «хлебная яма» – это отнюдь не просто яма, вырытая в земле. Для того чтобы избежать проникновения мышей, яму нужно было рыть в глинистой почве или обмазывать глиной. Затем в яме разводили костер и прокачивали до тех пор, «покуда прогорит

по стенам на четверть и делается как железная изгора». Яма должна была быть герметичной, если в нее попадал воздух, то хлеб портился. Поэтому зерно в яме хранили до весны или большее время, но после вскрытия зерно нужно было сразу же извлекать и использовать (Милов 1998: 144–145). Хлебная яма обычно находилась во дворе, о ее местонахождении все знали, и в ней нельзя было прятать украденный хлеб. В 1932 году похитившие зерно крестьяне были вынуждены прятать его в спешно выкопанных тайниках – и, конечно, они не имели возможности прокалить эти маленькие ямы-схроны. В обычных условиях еще была надежда сохранить спрятанный в схронах хлеб, но в условиях «мышинной напасти» это было невозможно. Писатель Л. Копелев (2010: 252) передает рассказ председателя сельсовета об одном крестьянине: «Он думал, он самый хитрый. Закопал на дальнем поле. Да только мышей не перехитрил... Открыли ту хитрую яму. А зерно уже пополам с мышинным говном. Ну, хозяина, конечно, забрал НКВД... А семья без хлеба осталась».

Можно понять разочарование и ужас крестьян, которые надеялись на спрятанные запасы, и, открыв весной свои ямы, обнаруживали в них то, что означало голодную смерть. Большая часть похищенного крестьянами зерна превратилась в труху или сгнила (Кондрашин 2008: 352), и наступил «Великий голод». Даже после того как начали поступать известия о голоде, власти долгое время не понимали масштабов происходящего. Только этим можно объяснить высказывание Хатаевича: «В облотделе ГПУ скопилось уже немало сообщений об отдельных фактах голодной смерти... *Я менее всего прихожу от этих фактов в расстройство*» (цит. по: Ивницкий 2009: 203). Лишь в начале февраля Днепропетровский обком всполошился: выяснилось, что от голода погибают не только единоличники, но и колхозники с большим числом трудодней – те, кто не воровал зерно. «В отношении колхозников, выработавших достаточное количество трудодней и оставшихся без хлеба, должна быть оказана немедленно продовольственная помощь», – гласило постановление обкома (Трагедия... 2001: 261). Но ресурсов для оказания помощи было очень мало. Поэтому, говорилось в постановлении, «колхозникам, которые имеют мало трудодней, и единоличникам, которые остались без хлеба, нужно предложить активно заняться вскрыванием разворованного и припрятанного хлеба с тем, чтобы... обеспечить себя продовольствием» (Там же).

Украинским руководителям приходилось оправдываться перед Москвой, объяснять, что это не они отняли у крестьян весь хлеб. «Основная причина голода, – докладывал Косиор, – плохое хозяйничание и недопустимое отношение к общественному добру (потери, воровство и растрата хлеба)... Ибо в большинстве голодающих районов хлеба по заготовкам было взято ничтожное количество... Почему голодают в Киевской области, где хлебозаготовок... почти не брали. В этих районах был весной большой недосев... а то, что собрали, – проели на общественном питании, кто сколько хотел, а также растащили те, кто не работал» (Операция... 2007: 75).

Неизвестно, как реагировала на эти оправдания Москва, но в безвыходной ситуации Украине была выделена значительная помощь – около 5 млн. ц зерна (Кондрашин 2008: 243). Для сравнения, в первом квартале на снабжение всех городов и строек страны было отпущено лишь 15 млн. ц хлеба (Davies, Wheatcroft 2004: 186). Для экспорта было выделено 3,5 млн. ц; этот экспорт был необходим для оплаты по краткосрочным кредитам, иначе бы Москве грозило банкротство (Tauger 1991: 88; Penner 1998b: 34). В начале апреля экспорт был прекращен.

Большой голод начался в марте, когда смертность на Украине в четыре раза превысила обычный уровень (Davies, Wheatcroft 2004: 511). Интенсивность голода в разных регионах определялась размерами потерь в ходе аграрной стачки. Чем больше были потери, тем меньше зерна осталось у колхозов на распределение по трудодням. На Украине средняя выдача на трудоспособного колхозника составила 170 кг зерна, на Северном Кавказе – 190 кг, на Нижней Волге – 240 кг. В Западной Сибири, где стачки практически не было, крестьяне получили по 610 кг (Там же: 503). Для нормального питания требовалось не менее 200 кг зерна на душу, и если учесть, что в семье были дети, то средняя выдача в 170 кг означала катастрофический голод. Эпицентр этого голода был на Юге – там, где аграрная стачка приняла наибольшие масштабы.

Когда начался сев, для колхозников было организовано питание в поле: кто мог и хотел работать в колхозе, тот и получал пищу. Единоличники не получали помощи, голодали и умирали – все источники говорят о том, что погибали в первую очередь крестьяне-единоличники. Это был метод сталинского перевоспитания крестьянства, метод, которым большевики пытались сломить традици-

онную крестьянскую психологию. Сталин не организовывал голод, но он блокировал села, не выпуская из них голодающих крестьян. Применение таких методов усугубило ситуацию и увеличило число жертв «тихой войны» (Кондрашин 2008: 136, 137; Penner 1998b: 47).

В конечном счете «Великий голод» означал гибель российского традиционного общества. Как свидетельствуют многие историки, Сталин одержал победу: с помощью голода он сломил крестьянина-собственника и добился изменений в крестьянском менталитете. Как пишет С. Кульчицкий (2011: 189), этот излом в ментальности произошел одновременно. Он хорошо иллюстрируется рассказом Ефима Косых, председателя колхоза из Днепропетровской области. Косых рассказывает о борьбе прежде нерадивых односельчан за урожай 1933 года. «Мы повесили на своих домах замки. Мы перевели правление колхоза в борозду... Мы всем селом – от мала до велика вышли таскать пырей, травить мышей и сусликов. И пошло дело, которому мы сами удивлялись... И вот из супесчаных наших участков, из убогих наших гектаров мы взяли по 15 ц яровой и озимой пшеницы... На трудодень получили свыше пуда зерна...» (цит. по: Там же: 189).

«Сталин не стоял за ценой, – добавляет Кульчицкий. – Речь шла... об изменении силовыми методами социальной природы крестьянства. Чтобы оно избавилось от “индивидуально-рваческих привычек, навыков и традиций”, нужны были сильные средства... После Голодомора украинским крестьянам пришлось принять те правила игры, *которые привыкли к хозяйствованию в общине русские крестьяне приняли сразу*» (Там же: 161, 189).

С крупнейшим украинским историком Кульчицким вполне согласен и ведущий российский исследователь проблемы голодомора В. В. Кондрашин. «Для Сталина... вера в приоритет общественной формы производства и механизации давала основания для применения жестоких средств к “невежественным” крестьянам, не понимавшим “своего счастья”...», – пишет он (Кондрашин 2008: 342).

Если следовать этой логике, то остается добавить: вера в механизацию давала основания для применения тех самых средств, о которых говорил Макиавелли. Средств, которые оправдываются целью. Но для простого крестьянина Ивана Гармаша эти средства означали «голод и пропасть».

Литература

- Аваков, А.** 2008. «Пришлось умереть от голода...» (Дневник 30-х годов – рукописи не горят даже в НКВД). *Украинская правда* 23 травня.
- Араловец, Н. А.** 2009. *Городская семья в России, 1927–1959 гг.* Тула: Гиф и К.
- Виола, Л.** 2010. *Крестьянский бунт в эпоху Сталина. Коллективизация и культура крестьянского сопротивления.* М.: РОССПЭН.
- Врангель, П. Н.** 2003. *Записки.* Т. 1. Минск: Харвест.
- Голод 1932–1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів.** Київ: Політвидав України, 1990.
- Голод в СССР. 1929–1934.** Т. 1. Кн. 2. М.: МФД, 2011.
- Голод в станице Новодеревянковской.** Из воспоминаний станичников. 2007. *Кубанский сборник* 11. URL: <http://www.gipanis.ru/?level=328&type=page&lid=317>
- Горинов, М. М.** 1990. *Нэл: поиски путей развития.* М.: Знание.
- Горький, М.** 1922. *О русском крестьянстве.* Берлин: Изд. И. П. Ладыхникова.
- Деникин, А. И.** 2006. *Очерки русской смуты.* Кн. 3. М.: Айрис-пресс.
- Евдокимов, А. М.** 1930. *Колхозы в классовых боях.* Л.: Прибой.
- Ивницкий, Н. А.**
1994. *Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов).* М.: Интерпракс.
2009. *Голод 1932–1933 годов в СССР.* М.: Собрание.
- Климин, И. И.** 2010. *Российское крестьянство накануне «Великого перелома» (1928–1929 гг.).* СПб.: ВВМ.
- Кондрашин, В. В.** 2008. *Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни.* М.: РОССПЭН.
- Копелев, Л. З.** 2010. *И сотворил себе кумира.* Харьков: Права людини.
- Кульчицкий, С. В.** 2011. Украинский голодомор как геноцид. *Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР.* М.: РОССПЭН.
- Лельчук, В. С.** 1984. *Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы.* М.: Политиздат.
- Ленин, В. И.** 1963. *Полн. собр. соч.* Т. 42. М.: Госполитиздат.
- Маркс, К., Энгельс, Ф.** 1957. *Соч.* Т. 9. М.: Госполитиздат.
- Материалы** по динамике фауны мышевидных грызунов СССР (исторический обзор массовых размножений). Л.: Тип. им. Володарского, 1934.

Международная комиссия по расследованию голода на Украине 1932–1933 годов. Итоговый отчет 1990 г. Киев: УкрЦЕНДИСИ, 1992.

Милов, Л. 1998. *Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса*. М.: РОССПЭН.

Мишина, А. В. 2007. Н. А. Григорьев – атаман повстанцев Херсонщины. *Новый исторический вестник* 1: 144–154.

Мошков, Ю. А. 1966. *Зерновые проблемы в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929–1932 гг.)*. М.: Изд-во МГУ.

Неру, Д. 1981. *Взгляд на всемирную историю*. Т. 2. М.: Прогресс.

Нефедов, С. А.

2005. Февраль 1917 года: власть, общество, хлеб и революция. *Уральский исторический вестник* 11: 112–123.

2008. *Факторный анализ исторического процесса*. М.: Территория будущего.

2009. *Аграрные и демографические итоги русской революции*. Екатеринбург: УГГУ.

2011. *История России. Факторный анализ*. Т. II. М.: Территория будущего.

Операция «Голодомор»: когда безумствует мечта. 2007. *Родина* 1: 60–76.

Попов, П. 1921. *Производство хлеба в РСФСР и федерирующихся с ней республиках*. М.: Изд-во ЦСУ СССР.

Рожков, А. Ю. 2009. «Мыши съели людей...»: память о голоде 1932–1933 годов в откликах на публикации И. И. Алексеенко. В: Бондарь, Н. И., Матвеев, О. В. (ред.), *Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 гг.* Краснодар.

Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб.: Блиц, 1995.

Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. Т. 3. Кн. 2. М.: РОССПЭН, 2005.

Социалистическое строительство СССР. М.: Союзоргучет, 1934.

Сталин, И. В. 1949а. *Соч.* Т. 12, 13. М.: ОГИЗ.

Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М.: РОССПЭН, 2001.

Тоффлер, Э. 1999. *Третья волна*. М.: АСТ.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2000.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. Т. 3. М.: РОССПЭН, 2001.

Уиткрофт, С. Г., Дэвис, Р. У. 1998. Кризис в советском сельском хозяйстве (1931–1933 гг.). Доклад на семинаре «Современные концепции аграрного развития». *Отечественная история* 6: 109–125.

Фельштинский, Ю. Г. 1991. *Разговоры с Бухариным*. Нью-Йорк: Телекс.

Фиров, В. П. 2003. *Голодомор 1932–1933 гг.: причины, последствия, виновники*. Севастополь: Изд-во СевНТУ.

Фицпатрик, Ш. 2008. *Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня*. М.: РОССПЭН.

Чуев, Ф. И. 1992. *Так говорил Каганович: Исповедь сталинского апостола*. М.: Отечество.

Шарова, П. Н. 1963. *Коллективизация сельского хозяйства в ЦЧО*. М.: Изд-во АН СССР.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 47. СПб.: Терра, 1992.

Black, C. E. 1966. *The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History*. N. Y.: Harper & Row.

Davies, R. W. Harrison, M., Wheatcroft, S. G. (eds.) 1994. *The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945*. Cambridge: Cambridge University Press.

Davies, R., Wheatcroft, S. 2004. *The Years of Hunger: Soviet Agriculture, 1931–1933*. N. Y.: Palgrave Macmillan.

Penner, A.

1998a. *The Agrarian “strike” of 1932–33*. Washington: The Woodrow Wilson Center, Kennan Institute for Advanced Russian Studies.

1998b. Stalin and the Ital’ianka of 1932–1933 in the Don Region. *Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants* 39 (1–2): 27–67.

Tauger, M. B.

1991. The 1932 Harvest and the Famine of 1933. *Slavic Review* 50: 70–89.

2001. Natural Disaster and Human Actions in the Soviet Famine of 1931–1933. *The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies* 1506: 5–42.

Архивы:

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

РГАЭ – Российский государственный архив экономики.